

О. П. Коломиец, В. Н. Нувано, Н. И. Вуквукай, Е. А. Церковникова
**ПРЕДМЕТЫ ЧУКОТСКОЙ ОЛЕНЕВОДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
 В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ И В МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ***

doi: 10.30759/1728-9718-2019-4(65)-98-107

УДК 39: 069.1

ББК 63.5+79.100

На первый взгляд может показаться, что огромный пласт традиционной культуры оленеводов и морских охотников Чукотки безвозвратно ушел в музейные коллекции или же вовсе утрачен. При погружении вглубь повседневной жизни современного оленевода, промысловика или сельского обывателя приходит понимание, что мнение это весьма поверхностно и даже ошибочно. Знания о вещах и предметах хорошо сохранились у современного коренного населения Чукотки, но очевидно, что наиболее полной информацией о традиционной материальной культуре владеют люди, которые провели детство или большую часть жизни в тундре, в стойбищах, в окружении старших родственников и соответствующей языковой среде. Некоторые владельцы тех или иных предметов ничего не знают об их бытовании, но берегут их только потому, что так делали их старшие родственники. Случалось, что люди сознательно приносили дорогие сердцу вещи в музей, чтобы продлить им жизнь, сохранить для будущих поколений. В современной жизни коренных народов важным представляется и то, как живут вещи, ставшие музейными экспонатами; транслируют ли они энергетику, знания, эстетику людей, их создавших, или же просто пылятся в фондах, забытые и ненужные. Цель настоящей работы — охарактеризовать круг предметов и вещей коренных жителей Чукотки, которые существуют не только в собраниях этнографических музейных коллекций, но до сих пор имеют значение в повседневной жизни, в современной ритуальной практике, в хозяйственной деятельности оленеводов Чукотки.

Ключевые слова: *коренные народы Чукотки, традиционные предметы, вещи, семейные реликвии, музейные коллекции*

В повседневной жизни коренных жителей Чукотки до сих пор сохраняются многие традиционные элементы культуры. В оленеводческих бригадах и прибрежных селах люди чаще используют традиционные предметы,

*Коломиец Оксана Петровна — к.и.н., в.н.с., Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН им. Н. А. Шило (г. Анадырь)
 E-mail: okkolo@mail.ru*

*Нувано Владислав Николаевич — н.с., Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН им. Н. А. Шило (г. Анадырь)
 E-mail: vlad_nuvano@mail.ru*

*Вуквукай Надежда Ивановна — м.н.с., Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН им. Н. А. Шило (г. Анадырь)
 E-mail: kerker@inbox.ru*

*Церковникова Екатерина Анатольевна — м.н.с., Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН им. Н. А. Шило (г. Анадырь)
 E-mail: etserkovnikova1@yandex.ru*

* Работа подготовлена на основе музейных коллекций, литературных источников и полевых материалов, собранных авторами в 1999–2019 гг. в г. Анадыре, Анадырском, Иультинском и Чукотском районах Чукотского автономного округа

чем коренные жители, проживающие в городской и сельской среде. Так, продолжают применяться проверенные веками технологии изготовления одежды, транспорта, предметов охоты и промысла из натуральных материалов. меховая одежда, нарты, арканы, гарпуны, ножи, упряжь и другие предметы незаменимы в оленеводстве и морском промысле. Есть и такие традиционные предметы, которые коренные народы Севера уже не используют в повседневной жизни, но продолжают хранить.

В общем виде традиционный пласт предметов, относящийся к оленеводческой и к морской зверобойной культурам, можно разделить на несколько групп: утраченные предметы, вышедшие из повседневного и ритуального обихода (в настоящее время мы можем увидеть их только в музеях); предметы, которые уже не имеют утилитарного или сакрального значения, но хранятся людьми как память о предках; предметы, которые продолжают использоваться в быту, праздничной, ритуальной жизни людей.

Классифицировать предметы по данным признакам весьма затруднительно, т. к. ситуация может меняться в зависимости от того,

в сельской или городской среде находится вещь, кому она принадлежит (представителю молодого или старшего поколения), занимается ли ее владелец традиционным хозяйством (оленоводством, морским зверобойным промыслом, рыболовством, охотой, декоративно-прикладным искусством). Тем не менее авторы совершают попытку охарактеризовать состояние традиционного мира вещей коренных жителей Чукотки в разрезе настоящего времени. В статье уделяется внимание предметам оленеводческой культуры, которые продолжают иметь значение в жизни людей.

Все перечисленные выше группы предметов имеются в этнографических фондах российских и зарубежных музеев. Наиболее полно вещный мир коренного населения Чукотки представлен в Музейном центре «Наследие Чукотки» (МЦНЧ). В данной статье авторы используют информационные материалы этого музея.¹

Музейное дело на Чукотке начинает свою историю с 1931 г. Первым руководителем Чукотского окружного краеведческого музея был А. К. Седько. В 1940-х гг. часть предметов коренных народов Чукотки, собранных в конце XIX в. начальником Анадырской округи Л. Ф. Гриневецким, была передана в окружной музей из Владивостокского краеведческого музея. В 1955 г. директором музея стал археолог Н. Н. Диков. Он значительно пополнил музейные фонды, приобщил к сбору коллекций многих жителей округа. За время работы ученого фондовые коллекции музея увеличились почти вдвое.² В 1960–1980-х гг. сотрудники музея целенаправленно занимались сбором этнографической коллекции и частично описали ее.³

Музейный центр «Наследие Чукотки» образован в 2002 г., путем слияния окружного краеведческого музея и Государственного Центра

охраны и реставрации памятников истории и культуры. В МЦНЧ хранится 2129 предметов прикладного искусства, быта и этнографии.⁴ Значительная часть фондов представлена традиционной одеждой, семейными святынями, хозяйственными принадлежностями, утварью, оружием. Коллекция предметов в наиболее полном объеме характеризует традиционную культуру чукчей и эскимосов. Этнографические материалы по культуре эвенов, юкагиров, чуванцев, кереков, коряков составляют незначительную часть коллекции. Часть предметов фонда представлена в постоянной музейной экспозиции «Человек и Чукотка». Авторы работы описывают предметы, которые находятся в постоянной экспозиции и в фондах окружного музея.

Яранга *яраны* — традиционное переносное жилище, используемое до настоящего времени оленеводами Чукотки; имеет округлую форму, состоит из деревянного каркаса с коническим куполом из шестов, покрывается оленьими шкурами. Подробное описание яранги имеется в научной литературе.⁵ Интересно, что в сознании оленеводов, помимо утилитарного, сохраняется и культовое значение яранги. Согласно традиции, почти всегда яранга устанавливается входом на северо-восток, так как утренняя заря — объект религиозного почитания чукчей.⁶ Оленеводческие семьи продолжают проводить в ярангах ритуальные практики, в них остаются переданные по наследству предметы старинных культов — семейные охранители. Уменьшенная копия (1:5) каркаса переносной яранги находится в МЦНЧ (поступила на хранение в 1989 г.).

Интересные сведения о бытовании повседневных и ритуальных предметов у чукчей в прошлом содержатся в трудах исследователей и путешественников XVIII–XIX вв.: И. Биллингса, Г. А. Сарычева, К. Мерка, И. Кобелева, Г. Л. Майделя, О. Нордквиста, В. Г. Богораза и др.⁷ В современной жизни многих

¹ Официальный сайт Музейного центра «Наследие Чукотки». URL: <https://http://www.chukotka-museum.ru/collection/> (дата обращения: 02.12.2018); Список подлинных этнографических материалов, содержащихся в фондах Музейного центра «Наследие Чукотки», 17.01.2019; Статистические данные о количестве предметов в фондах музеев Чукотки на 01.01.2018. URL: https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331stat_museum/#{<tab>:>build_table}>version:>5b235b240a0f7ac039cc28d2}> (дата обращения: 10.01.2019).

² Романова И. И. Основные этапы развития музейного дела и создания этнографических коллекций на Чукотке // Культурное наследие народов Сибири и Севера: материалы Шестых Сибирских чтений. СПб., 2005. С. 99–107.

³ Беляева А. В. Этнографическая поездка в Анадырский район // Краеведческие записки. Магадан, 1965. Вып. 5. С. 27–38; Раггытваль Р. М. Мейныпильгынская коллекция семейных святынь // Краеведческие записки. Магадан, 1986. Вып. 14. С. 170–190.

⁴ Статистические данные о количестве предметов в фондах музеев Чукотки на 01.01.2018 г.

⁵ Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 148; Первалова Е. В., Куканов Д. А. Мобильное жилище чукчей-оленевонов: традиции и новации // Урал. ист. вестн. 2018. № 3 (60). С. 40–49.

⁶ Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. М., 1991. С. 106.

⁷ Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции 1785–1795 гг. Магадан, 1978. С. 98–151; Боякова С. И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии (XIX в. — 1917 г.). Новосибирск, 2001. С. 90–99, 105, 106; Ширина Д. А. Россия: научное исследование Арктики. XVIII в. — 1917 г. Новосибирск, 2001. С. 52–57.

оленоводческих семей этот набор предметов не утратил своего сакрального значения.

Важное место среди домашних святынь занимали *тайн'ыквыт* (мн. ч.) — буквально «те, обо что разбивается, что ограждает от несчастья». *Тайн'ыквыт* состояли из множества собранных в единую связку небольших фигурок в виде туловища, вырезанных из ивовых сучков. Все эти фигуры называются «люди из связки охранителей» *тайн'ыквыораветльат*. Также обязательными в оленеводческой семье остаются приборы для добывания огня *гыргырты* (мн. ч.). Раньше каждый мальчик в возрасте четырех-пяти лет получал из семейного имущества доску для добывания огня и оленью тавро.⁸ Прибор для добывания огня имел антропоморфную форму длиной 50–60 см и, с хорошо выделенной головой, длинным туловищем, вдоль которого имелись 2–3 ряда углублений, в которых трением добывают огонь. *Гыргыр* (ед. ч.) был главным охранителем семьи и стада и считался «главным пастухом» оленьего стада. В быту их иногда называли *корэн этынвыт* — хозяева оленей.⁹

Сравнивая священные предметы, описанные в трудах исследователей начала XX в. и современных оленеводов, можно сделать вывод, что на всей территории Чукотки связки семейных предметов идентичны, но есть у них и свои особенности. Так, в связке главы оленеводческой семьи Б. Ф. Вуквукая (1939 г. р.) есть голова ворона и голова росомахи, обожженная с правого нижнего края православная иконка и современная кружка «Экспедиция». У оленевода Ю. С. Ночина (1944–2018) к связке были привязаны лямки из оленьей упряжки его прапрадеда.¹⁰

Все свои святыни чукчи «кормили» во время обрядов при проведении производственно-хозяйственных праздников, во время значительных семейных событий, а также во время болезней, несчастий и неблагоприятных событий. Священные предметы хранились в специальном мешке, на специальной нарте, которая стояла в основном у северного борта яранги, выносились наружу лишь по чукотским (оленоводческим) праздникам. Идентичные предметы находятся в постоянной экспозиции музея, расставленные (или развешанные) как элементы интерьера внутри макета яранги. Почерневшая от времени, копоты и помазан-

ной крови гирлянда *тайн'ыквыт* привязана к задним поперечным шестам макета яранги, а прибор для добывания огня *гыргыр* лежит у импровизированного очага.

Одним из многочисленных предметов является *энанэнттыткоолгыт* — посуда для разбрасывания кусочков пищи духам. Раньше у каждого члена семьи была своя чаша, миска для обряда «кормления» духов. В 2007 г. в Усть-Бельской тундре во время обряда авторы видели два блюда *энанэнттыткоолгыт* в форме лодочек.¹¹

Чукотская деревянная посуда имеется на хранении в МЦНЧ в количестве 19 шт., в том числе одна продолговатая деревянная чаша в постоянной экспозиции. Такие чаши до настоящего времени используются в оленеводческих стойбищах. Всего одно деревянное блюдо отмечено сотрудниками музея как ритуальное, т. к. в отличие от остальных имеет ручку. Но при этом в научной литературе имеются сведения о том, что в ритуальных действиях использовали посуду разных размера и формы, в том числе и круглые чаши.¹² В фондах МЦНЧ хранятся 3 подобные вещи.

Куклы *элючит* (мн. ч) В. Г. Богораз характеризовал как сакральные и игровые.¹³ В августе 2016 г. в Чаунской тундре было зафиксировано, как после праздника *вылгык'оранмат*, во время игры в бубен, старик держал куклу на коленях и твердил, что это его прадед.¹⁴ В фондах МЦНЧ имеются 5 кукол (2 из них сделаны в XIX — начале XX в., приняты на хранение из Владивостокского краеведческого музея в 1931–1940 гг.).¹⁵

Бубен *ярап* (ед. ч.) чукчи рассматривают не только как музыкальный инструмент, но и как предмет, наделенный сверхъестественной силой. В умелых руках он приобретает чудодейственные свойства: с помощью песен и танца человек может излечиться от недуга, обрести силу. В современной традиции бубны чаще используются как музыкальные инструменты, детей обучают петь и танцевать под его аккомпанемент. В фондах музея имеются 11 бубнов:

¹¹ ПМА, Анадырский район, МУП СХП «Им. Первого Ревкома Чукотки», 2007.

¹² Кузнецова В. Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // Тр. Ин-та этнограф. им. Н. Н. Миклухо-Маклая: Новая серия. Т. 35: Сибирский этнограф. сб.-2. М.: Л., 1957. С. 275.

¹³ Богораз В. Г. Чукчи: Религия. С. 70.

¹⁴ ПМА, Чаунский район, МУП СХП «Чаунское», 2016.

¹⁵ Список подлинных этнографических материалов... 17.01.2019.

⁸ Богораз В. Г. Чукчи: Религия. Л., 1939. С. 56, 58.

⁹ Рагтытваль Р. М. Указ. соч. С. 170.

¹⁰ ПМА, Чаунский район, МУП СХП «Чаунское», 2010, 2016.

8 с ручками, 3 без ручек — таких, как описывала исследователь А. В. Беляева: «...без прикрепленной к обечайке ручки, обтянутой шкурой молодого олененка без шерсти, с погремушками и двумя ремешками, за которые брался хозяин».¹⁶

Копью *пойгын*, как и всякому оружию, чукчи приписывали силы, превышающие силу, мастерство, умение хозяина, и при всяком успешном мероприятии проводили *пойгымн'эгыргын* — «благодарственное служение копыю».¹⁷ Г. Л. Майдель отмечал, что чукчи, в отличие от ламутов, предпочитают копые огнестрельному оружию.¹⁸ Довольно подробно копыя и в целом оружие чукчей описаны в книге А. К. Нефёдкина.¹⁹

Во время посещения оленеводческих хозяйств в 1999 и 2016 гг. авторам удалось увидеть похожие копыя. Одно из них представляет собой древко, сделанное из березы длиной около 2 м, диаметром 4–4,5 см, с железным наконечником, клинком 23 см и втулкой 18 см. Особого внимания заслуживает его украшение. На втулке копыя выполнен узор в виде двух змей, смотрящих друг на друга. В настоящее время копые находится в с. Ваеги.²⁰ Второе копые наблюдали в 2016 г. в Чаунской тундре. Оно было значительно короче первого. Сразу после ритуального убоя оленя на празднике *вылгык'оранмат* хозяин спрятал его в кибитку *кааран*.²¹ Раньше бытование старинного оружия среди оленеводов не было редкостью. В качестве примера приведем интервью с информантом из с. Марково: «У меня отец случайно нашел в погребке копые и мне отдал. Я его в окружной музей сдал. Это железное тонкое, хорошее, не ржавое копые. Такое есть и в Марковском музее».²²

Скорее всего, описанные копыя были изготовлены корякскими кузнецами-кустарями. В одной из книг о жизни народов Северо-Востока России дается описание этого ремесла: «Примером кузнечного промысла могут

служить пареньцы, которые, покупая через окружного начальника железо по казенной цене (т. е. по цене во Владивостоке), сами из него делают разных сортов ножи, копыя, гвозди и массу разных украшений, как то браслеты, серьги, кольца, ожерелья, подвески и проч. Все эти изделия отличаются чистотой и изяществом работы; несмотря на примитивные условия, почти на всех предметах пареньской работы вы находите насечку и украшения».²³

В МЦНЧ имеется 2 копыя (поступили на хранение в 1970 и 2011 гг.). В постоянной экспозиции находится копые, втулка которого обрамлена растительным орнаментом.

До настоящего времени в оленеводческих бригадах используют камни для разбивания костей (каменный молот *рыпен'ы*, наковальня *элгыквын*). В. Г. Кузнецова, описывая приготовления к празднику у оленеводов Амгуэмской тундры, упоминала каменные приборы и действия с ними: «Вымытые камень (*элгыквын*) и каменный молоток (*рыпэн'ы*) ставили к очагу».²⁴ Идентичные приборы можно видеть в коллекции МЦНЧ. В фондах имеются 5 камней, которые поступили на хранение в 1969–2009 гг. В постоянной экспозиции музея в интерьере яранги находятся два камня. До сих пор эти камни имеют сакральное значение. Многие коренные жители в селах располагают их у входа в квартиру или дом; в городских квартирах лежат маленькие камни, отдалено напоминающие «настоящие», при этом они выполняют ту же функцию «охраны» жилища.

Снеговывивалка *тывичгын* имеет форму изогнутой палки, изготавливается, как правило, из рога оленя, стесанного со стороны изгиба. До сих пор этот предмет не утратил своего утилитарного значения. Малая снеговывивалка (не более 40 см) используется для стряхивания налипшего снега с торбасов и одежды; большая (до 100 см) — для стряхивания снега с крыши яранги. Кроме хозяйственного значения, снеговывивалка в представлениях чукчей наделена особыми охранительными свойствами. Например, нами записана следующая история о значении снеговывивалки: «Выбивалка висела у входа, от злых духов и от напастей. Отец перед тем, как уехать из дому, обмазывал детей чернотой от точильного камня — лоб, подбородок, плечи, запястья,

¹⁶ Беляева А. В. Указ. соч. С. 31.

¹⁷ Вдовин И. С. Религиозные культы чукчей // Сб. МАЭ. Т. 33: Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977. С. 131.

¹⁸ Майдель Г. Л. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 годах. Прил. к 74 т. Зап. Имп. Акад. наук. СПб., 1894. № 3. С. 68.

¹⁹ Нефёдкин А. К. Военная культура чукчей (середина XVII — середина XX в.). СПб., 2017. С. 135–142.

²⁰ ПМА, Анадырский район, ТОО «Путь к коммунизму», 1999.

²¹ ПМА, Чаунский район, МУП СХП «Чаунское», 2016.

²² ПМА, Анадырский район, с. Марково, 2019.

²³ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание (с картой). СПб., 1900. С. 657.

²⁴ Кузнецова В. Г. Указ. соч. С. 303.

и говорил: “Я тебя не пачкаю, а закрепляю твоё здоровье”. Когда возвращались домой, папа ставил *эчуулгын* (ночной горшок — прим. автора) и перед этим ведром в сенях вытряхивал снеговывивалкой все плохое, побивая по одежде ребенка. У каждого члена семьи были свои вытряхивалки, они лежали под матрасами». ²⁵ Также *тывичгын* несет функции «охранителя» хозяина в дальних походах ²⁶ или в похоронном обряде. ²⁷ Кроме того, часто громко отряхивались с помощью *тывичгын*, заходя в соседнюю ярангу, предупреждая тем самым хозяев о своем визите.

В фондах МЦНЧ хранятся 9 снеговывивалок из дерева, рога оленя и барана (2 деревянных, 1 из рога барана, 6 из рога оленя). Снеговывивалки собраны в разных местах Чукотки, отличаются формами держателей в верхней части изделия. Например, *тывичгын* из рога барана был сдан в музей в 2002 г. дарителем П. В. Сосновским. Ему достался этот предмет от ваежских чукчей. Данный музейный экспонат отличается от других тщательной отделкой, орнаментированной ручкой.

Снегоступы *велвыегыт* — «вороньи лапки» — приспособления для хождения по снежному покрову. Они представляют собой деревянную раму, на которую натянута ременная сетка из кожи. Житель с. Марково рассказывал: «Подарили мне в Ваегах лыжи — вороньи лапки. И они у меня висели. Я на них походил-походил и перешел на современные лыжи. Ходить пешком перестал, и они мне стали не нужны. И вот у меня один чукча их увидел, говорит: “Отдай мне их!” Я отдал. Он в них ходит, это ж его родное». ²⁸

В настоящее время «вороньи лапки» редко используют по назначению, но это один из самых распространенных предметов в коллекциях сельских школьных музеев. В МЦНЧ имеются 3 пары снегоступов (1 пара выставлена в постоянной экспозиции). Авторы сделали вывод, что эти экспонаты по своим конструктивным особенностям относятся к северному типу. Во время экспедиций нам случилось увидеть в с. Ваеги снегоступы южного (ко-

рякского) типа: больших размеров, передняя и задняя части имели «сетку» из тонких сыромятных ремней, в срединной части конструкции был навязан цельный ремень из лахтачьей кожи, который представлял собой регулируемое по размеру ноги «крепление», способы вязки ремней отличались от таковых у музейных экспонатов. ²⁹

Нарта для оленьей упряжки (общее название *орвоор*). Все виды нарт для оленьих упряжек (мужские, женские, детские, кибитки, грузовые, гоночные) конструктивно похожи. Это дугокопильные (с полуовальными стойками) нарты. Исследователи утверждают, что нарт с такими конструктивными особенностями (так называемых чукотско-корякских нарт) нет больше ни у какого другого оленеводческого народа. Различные типы нарт были предельно просты и без особых инструментов чинились в пути. ³⁰ В. Г. Богораз отмечал легкость и изящность чукотских ездовых нарт. ³¹

В настоящее время нарты повсеместно используются чукотскими оленеводами, несмотря на то что снегоходная техника прочно вошла в быт коренного населения. Лучшие мастера проживают в южной части Чукотки (граница Билибинского и Анадырского районов, где есть лес). Нарты дарят в качестве приза победителям гонок на оленьих упряжках на фестивале «Эракор». Принято считать, что хозяйства, в которых по-прежнему есть нарты, оленьи упряжки и старые традиции, наиболее крепкие и стабильные.

В экспозиции МЦНЧ выставлено 4 типа нарт: кибитка на грузовой нарте *кааран*, грузовая нарта *репалк'оолгын*, нарта для езды мужская *гакан'орвоор* и женская *эчэтытк*.

Аркан (тюрк. канат) *чаат* длинная веревка с подвижной петлей на конце для ловли животных. В настоящее время оленеводы Чукотки используют 3 вида арканов — плетенные из сыромятной оленьей кожи; сшитые из одного цельного ремня из лахтачьей кожи; веревочные — из капроновой веревки (диаметром 0,8 мм), оплетенные со стороны кольца сыромятным ремешком. Чаще всего современные оленеводы используют веревочные арканы.

²⁵ Коломиец О. П. Семейные реликвии коренных народов Чукотки // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. № 1 (3). С. 116.

²⁶ Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. С. 109.

²⁷ Нувано В. Н. Обряд погребального сожжения у ваежских чукчей // Тропой Богораз. Научные и литературные материалы. М., 2008. С. 234.

²⁸ ПМА, интервью с П. В. Сосновским (1967 г. р.) — жителем с. Марково, 2019.

²⁹ ПМА, Анадырский район, с. Ваеги, 1999.

³⁰ Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. Тр. ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М.; Л., 1955. Т. 27. С. 88.

³¹ Богораз В. Г. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н. Л. Гондатти, находящихся в этнографическом музее Императорской Академии наук. Сб. Музея по антропол. и этногр. Имп. Акад. наук СПб., 1901. Т. 2. С. 38.

В МЦНЧ имеются 6 арканов, 5 из которых сделаны из ремня лахтака, 1 — плетеный из сыромятной кожи. Плетеный аркан находится в постоянной экспозиции МЦНЧ.

Поясной ремень *рычит* — предмет гордости оленевода. Бытует шутливая поговорка, направленная в адрес молодежи: «У него бедняцкий ремень». Это значит, что обладатель ремня не следит за ним, его не украшает, у владельца плохой нож. Для стариков-оленеводов современной альтернативы традиционным ремням нет.

В МЦНЧ имеются 2 чукотских оленеводческих ремня, один из которых ошибочно определен как ламутский (эвенский), т. к. был передан эвенско-чукотской семьей из с. Ламутское Анадырского района. Визуально этот пояс — типично чукотская вещь. С правой стороны ремня наискось висят большой нож и мешочки для точильного камня и блесны. С левой стороны к поясу подвешен небольшой коровий рог. И сейчас в с. Омолон Билибинского района можно увидеть эвенов-оленеводов, которые носят чукотский костюм (в том числе пояс); женщины-чукчанки в повседневном быту и на праздниках носят эвенский распашной костюм.³²

В частной коллекции ваежского оленевода имеется 3 оленеводческих поясных ремня. Первый — старый составной ремень из 3 кожаных частей, лахтачьей и нерпичьей кожи. На средней части закреплены 14 пуговиц дореволюционного времени. Пряжка старая, самокованная, характерной для пареньских коряков формы. На небольшом ремешке свисает медная застежка *мумкыл*,³³ за которую можно закрепить прибор для развязывания узлов или наперсток. Второй ремень советского периода (1960-е гг.). Его носили до 2008 г. Прежним хозяином был дядя оленевода (1930–1975). Отличительной чертой ремня является нашивка из 27 выпуклых пуговиц, изготовленных, предположительно, из рандолевого чайника 1950-х гг. выпуска. Третий ремень (офицерская портупья) до сих пор носят в походах. На него закреплены вещи, необходимые для авто-

номного пребывания человека: большой японский нож, напоминающий пареньские ножи корякских мастеров — *лыгевал* — «настоящий нож», который предназначен для рубки толстых веток, освеживания туши крупного зверя. Второй малый нож имеет клинок длиной 10 см и обух 2 мм, ручку из рога снежного барана. Ближе к ножам по ремню скользит чехол, в котором размещены: блесна с леской для ловли речной рыбы; бронзовая трубка-игольница, которая прикрывает граненные иглы, нанизанные на кожаный ремешок; чехол для двух оселков разной зернистости (точильные камни) размером 6 × 4 см.³⁴

Больше всего в настоящее время в оленеводстве востребована традиционная чукотская одежда *эвирьыт* (мн. ч.). Раньше она имела широкое распространение среди соседних народов из-за своей практичности и функциональности.

В МЦНЧ представлен практически полный комплект одежды аборигенных народов Чукотки. Всего в фондах 234 предмета одежды, из которых 171 принадлежит к чукотской культуре. Это детская, женская, мужская одежда; промысловый костюм; дорожная, праздничная и обрядовая одежда, головные уборы, обувь, которые были собраны в разные годы со всех районов Чукотки.³⁵

Детская одежда *к'алгекер* (ед. ч.) по крою напоминает современный европейский детский комбинезон, имеющий прямоугольный разрез от паха до верхнего края ягодиц и отдельный клапан *макы*. Клапан *макы*, наполненный мхом сфагнумом, играет роль подгузника. Посещая оленеводческие бригады, окружные фестивали «Эракор» в 2015–2018 гг., авторы всегда наблюдали маленьких детей, одетых в комбинезоны *к'алгекер*.

Женский комбинезон *керкер* представляет собой цельношитое платье, состоящее из широких штанов, соединенных с еще более широким низко вырезанным корсажем.³⁶ Несмотря на кажущуюся нерациональность костюма, женщины оленеводов повсеместно продолжают носить *керкер*. В фондах МЦНЧ насчитывается 7 женских комбинезонов.

³² ПМА, Билибинский район, МПБМР СХП «Олой», перевал-база Каэтын, 2018.

³³ *Мумкыл* — это своего рода пуговица, которая пристегивается путем накидывания на петлю. Металлическая или сделанная из рога в виде приплюснутой с боков палочки различных длины и толщины, — в зависимости от цели употребления и степени нагрузки (длина 3–7 см). На мужских поясных ремнях или женских мешочках *мумкыл* использовали как элемент декора и делали из цветного металла, украшали насечкой.

³⁴ ПМА, Анадырский район, с. Ваеги, 2016.

³⁵ Вуквукай Н. И. Одежда чукчей в собраниях краеведческих музеев Дальнего Востока // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 5, ч. 2. С. 51–61.

³⁶ Богораз В. Г. Очерк материального быта оленных чукчей... С. 12.

Кухлянка — общее название *иръыт* (мн. ч.). По покрою это глухая рубаха до колен. Их подразделяют на несколько видов. Первый вид — нижняя/нательная кухлянка *ныгло* с воротом из собачьей шкуры, носится мехом вовнутрь, почти всегда окрашена ольховой корой в оранжево-красный цвет. В 2010, 2012 гг. среди чаунских чукчей наблюдали, что они всегда носили нижнюю кухлянку *ныгло* без ворота.

Штаны — общее название *к'онагтэ* (мн. ч.). Нижние/нательные штаны называются *кэмэтти*, их носят мехом вовнутрь, они окрашены ольховой корой в оранжево-красный цвет. Наружные штаны *гыргочан к'онагтэ* такого же покрою более нарядные. Другой вид штанов шьется из оленьего камуса (шкурка с оленьих ног) — *панрак'онагтэ*, «камусные штаны». Все виды штанов продолжают использоваться оленеводами в условиях тундры по сей день.

Обувь — общее название *плекыт*. Зимняя обувь всегда носится в комплекте с меховыми мягкими «носками» *памьят* с обязательными «стельками» из высохшей травы *вээгты* октябрьского сбора. Мужская зимняя обувь представлена короткими, до 20 см высотой, торбазами *пынитъегыт*, в которые обычно заправляют штаны. В основном носят в дальних походах и на зимних дежурствах у стада. Кроме того, есть обувь аналогичного кроя, но подшитая мохнатыми «щетками» из шкурок копыт *чечот*. Такая обувь особенно хороша для носки в морозные дни. Во время работы по хозяйству или у стада, недалеко от жилища носят высокие торбаза *лаут* (35–40 см) чуть ниже колен. Их надевают поверх нижних штанов *кэмэтти*. Чтобы *кэмэтти* не индевели и в подлямочное пространство не забивался снег, поверх надевают матерчатые/суконные штаны чукотского покрою *брезентак'онагтэ* (брезентовые штаны).

Женская обувь особого покрою *н'эвпылекыт* высокая, до колен, в нее заправляется меховой женский комбинезон *керкер*. *Н'эвпылекыт* более объемны, чем мужские высокие торбаза *лаут*, т. к. женские чижы-носки *н'эвпамьят* сшиты из зимней шкуры. В отличие от верхней чукотской одежды, чукотская обувь в настоящее время встречается довольно часто, даже в городе.

Летнюю обувь шили из «дымленины» *чывэрит*, по-русски ее называли «бродовки». В оленеводческих бригадах такую обувь перестали употреблять по назначению. Все оленеводы перешли на резиновую обувь. Но в июле 2018 г. в

с. Ваеги бывший оленевод носил *чывэрит*, подшитые подошвой от современных кроссовок.

Коренные жители с сожалением говорят о том, как традиционный костюм вытесняется современными видами одежды: «Как перестали существовать швейные мастерские, ушла и одежда. Люди до сих пор бы ее покупали и носили. Хотя нужно уметь за ней ухаживать. Такая одежда не для моды — для выживания, лучше ее нет. У меня уже вся износилась. Пару лет назад подарил свой кукуль³⁷ чуванцу одному, потому что знаю, что он ходит пешком и везде его с собой таскает, спит в нем на земле без всякой палатки. Кукуль лет двадцать, не меньше, шили его в Ваегах, мне он достался бэушный. Я носил все чукотское. Единственное, что отказался от меховых штанов, привык к русским. На охоту, в путешествие все чукотское надевал. У меня дядя так до сих пор и ходит, он не надевает вот эти современные костюмы камуфляжные, охотничьи, он надевает камлейку, подпоясывается поясом с ножом, так и ходит. Но сейчас практически все на охоту ходят в современном. Ваежские чукотские шапки раньше часто заказывали, потому что они красивые, как сувениры. Может и до сих пор заказывают. Лет десять назад я ездил в Усть-Бельскую, Красненскую тундру в шаткарах³⁸ и всех удивлял, что у меня такие вещи есть. Сверху надевал брезентовые чулки, чтобы меньше влаги попадало».³⁹

Даже неиспользуемые старинные вещи до сих пор хранятся многими представителями старшего поколения: «Хозяйственные предметы можно найти еще по сараям. Находили битки,⁴⁰ вязанки чукотских куколок и другую мелочь».⁴¹ Но далеко не все люди готовы отдавать их в музей или куда-либо еще. Авторами записана история о том, как жительница Анадырского района сначала сдала предметы в музей,⁴² а затем передумала и хотела вернуть их обратно: «Будучи секретарем сельсовета, в середине 1970-х гг. она сдала шаманские предметы в музей. Уже в 1990-х гг., когда она жила в Анадыре, в ее семье начали

³⁷ *Кукуль* — меховой спальный мешок.

³⁸ *Шаткары* — меховая обувь, сшитая из оленьего камуса, с подошвой из оленьих щёток, др. название щиткари, по-чукотски чечот.

³⁹ ПМА, интервью с П. В. Сосновским (1967 г. р.) — жителем с. Марково, 2019.

⁴⁰ *Битки* — коробка из бересты для сбора ягод.

⁴¹ ПМА, интервью с П. В. Сосновским (1967 г. р.) — жителем с. Марково, 2019.

⁴² Данные предметы находятся в МЦНЧ (например, головной убор «шапка шамана» ЧОКМ-1879).

происходить трагические случаи. Погибли 2 сына. Женщина обратилась в музей с просьбой о возвращении предметов деда обратно в семью. Но работники музея отказали в просьбе, так как они были зарегистрированы как собственность госучреждения и имели культурно-историческую ценность».⁴³

Значительная часть вещей с уходом их владельцев заканчивает свой путь вместе с ними. Эти предметы сопровождают своего хозяина в традиционном погребальном обряде.

Весьма важными представляются мнения экспертов — участников опроса по определению сохранившихся и утраченных элементов духовной и материальной культуры коренных народов Чукотки.⁴⁴ Экспертам было предложено ответить на вопрос: «Какие предметы быта не используются коренными жителями, но они продолжают их хранить?». Участники отмечали, что в городской жизни могут использоваться обереги, камни, выбивалки от снега; в качестве сувениров в домах горожан хранятся жирники, ритуальные принадлежности. Для старшего поколения коренных жителей эти предметы значимы как часть истории своей семьи.⁴⁵

В январе 2019 г. был проведен опрос среди учащихся Чукотского многопрофильного колледжа из числа коренных малочисленных народов Чукотки (23 чел., возраст — от 18 до 23 лет, из них 2 эскимоса, 21 чукч). Студентам было предложено написать, какие предметы, вещи традиционной культуры они знают, по возможности дать определение этого предмета на родном языке. Самые популярные предметы — кочевое жилище *яранга* и аркан *чаат*, их отметили 15 чел. Женский комбинезон *керкер* назвали 11 чел., обувь *торбаса* — 12 чел., бубен *ярар* — 11 чел., нарты — 10 чел. К сожалению, ни один студент не смог дать название нарт на чукотском языке. Все студенты ответили, что записанные ими предметы до сих пор используются в тундре и на праздниках. Опрос показал, что молодое поколение коренных жителей Чукотки не обладает достаточными знаниями по истории и культуре своего края.

⁴³ ПМА, г. Анадырь, 2019.

⁴⁴ Исследование было проведено Е. А. Церковниковой в 2010 г. В нем приняли участие 7 экспертов — носителей языков коренных народов Чукотки, знатоков традиционной культуры.

⁴⁵ Церковникова Е. А. Предметы традиционной культуры народов Севера, востребованные в современной жизни (на материалах полевого исследования на Чукотке) // V Богоразовские чтения. СПб., 2018. С. 95–100.

Музейный центр «Наследие Чукотки» является крупнейшим региональным музеем, занимается краеведческой, культурно-образовательной деятельностью. При этом у музея достаточно обширные задачи. Современному музею мало просто экспонировать уникальные вещи, наиболее ярко представляющие и отражающие самобытность той или иной культуры. Нужно «оживить» предметы, рассказать о них посетителям, показать через них меняющийся культурный ландшафт, изменение смысла предметов. Для молодого поколения коренных жителей Чукотки важно, чтобы специалисты в доступной форме могли рассказать о технологии изготовления, способах бытования традиционных предметов, которыми пользовались их предки; требуется пробудить у молодежи интерес к семейной истории через знакомство с этими предметами.

Кроме того, есть необходимость в создании современной базы данных коллекций музеев Чукотки. Эта база должна быть общедоступной, поскольку может включать богатый иллюстративный материал, интересные исторические и этнографические сведения о предметах, разных аспектах жизни народов Чукотки.

Результаты настоящего исследования показывают: современные реалии таковы, что интерес к традиционной культуре возможно и нужно побуждать разными путями, в том числе и через музеи. Ведь знатоков, владеющих исчерпывающей информацией об окружающих вещах, становится все меньше. При этом чукотская оленеводческая культура живет и развивается. Для городской молодежи это, пожалуй, единственный вариант знакомства с духовным и материальным миром своего народа. Имеющиеся в музейных коллекциях предметы способны пробудить в людях интерес к собственному культурному наследию, для коренных жителей региона это возможность прикоснуться к нему и узнать глубже традиции предков. Для этого необходимо создавать новые форматы взаимодействия музеев с их потенциальными посетителями. Важно, чтобы музейные экспонаты «оживали» в умелых руках специалистов: чтобы люди могли получить исчерпывающую информацию о происхождении, нюансах изготовления, бытовании вещей, об истории их поступления в музей; чтобы вещи могли «путешествовать» среди разных поколений коренных жителей Чукотки. Именно тогда предметы не будут забыты, вернется их первоначальное значение, а может быть, появятся и новые смыслы.

Oxana P. Kolomiets

Candidate of Historical Science, N. A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch of the RAS (Russia, Anadyr)
E-mail: *okkolo@mail.ru*

Vladislav N. Nuvano

Researcher, N. A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch of the RAS (Russia, Anadyr)
E-mail: *vlad_nuvano@mail.ru*

Nadeghda I. Vukvukay

Junior Researcher, N. A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch of the RAS (Russia, Anadyr)
E-mail: *kerker@inbox.ru*

Ekaterina A. Tserkovnikova

Junior Researcher, N. A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch of the RAS (Russia, Anadyr)
E-mail: *etserkovnikova1@yandex.ru*

OBJECTS OF THE CHUKCHI REINDEER HERDING CULTURE IN EVERYDAY LIFE AND MUSEUM COLLECTIONS

At first glance it may seem that a huge layer of traditional culture of the reindeer herders and sea hunters of Chukotka has irretrievably gone to the museum collections or completely lost. Plunging deep into the daily life of a modern reindeer herder, a craftsman or a rural inhabitant makes it clear that this opinion is very superficial and even mistaken. Knowledge about things and objects is well preserved among the modern indigenous population of Chukotka, but it is obvious that people who spent their childhood or most of their lives in the tundra, in camps, surrounded by older relatives and language environment have the most complete information about traditional material culture. Some owners of certain items know nothing about them, but cherish these things just because their older relatives did so. It happened that people deliberately brought the cherished things to the museum to prolong their life, to preserve for future generations. In modern life of indigenous peoples, it is also important how things that have become museum exhibits live; whether they broadcast the energy, knowledge, aesthetics of the people who created them, or simply gather dust in the funds, forgotten and unnecessary. The purpose of this paper is to characterize the range of objects and things of the indigenous inhabitants of Chukotka, which exist not only in the ethnographic museum collections, but still have significance in everyday life, in modern ritual practice, in economic activities of the reindeer herders of Chukotka. The research is based on museum and literary sources and field materials collected by the authors in 1999–2019 in the town of Anadyr, Anadyr, Iultinsky and Chukotka districts of the Chukotka Autonomous district.

Keywords: *indigenous peoples of Chukotka, traditional objects, things, family relics, museum collections*

REFERENCES

- Belyaeva A. V. [Ethnographic trip to Anadyrsky district]. *Krayevedcheskiye zapiski* [Local history notes]. Magadan: Kn. izd-vo Publ., 1965, iss. 5, pp. 27–38. (in Russ.).
- Bogoraz V. G. *Chukchi: Religiya* [The Chukchi: Religion]. Leningrad: izd-vo Glavsevmorputi Publ., 1939, 202 p. (in Russ.).
- Bogoraz V. G. *Material'naya kul'tura chukchey* [The material culture of the Chukchi]. Moscow: Nauka Publ., 1991, 224 p. (in Russ.).
- Boyakova S. I. *Osvoyeniye Arktiki i narody Severo-Vostoka Azii (XIX v. — 1917 g.)* [The development of the Arctic and the peoples of North-East Asia (19th century — 1917)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2001, 160 p. (in Russ.).
- Etnograficheskiye materialy Severo-Vostochnoy geograficheskoy ekspeditsii 1785–1795 gg.* [Ethnographic materials of the North-East geographical expedition of 1785–1795]. Magadan: Magadanskoye knizhnoye izd-vo Publ., 1978, 176 p. (in Russ.).

Istoriko-etnograficheskiy atlas Sibiri [Historical and Ethnographic Atlas of Siberia]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1961, 498 p. (in Russ.).

Kolomiets O. P. [Family heirlooms of the indigenous peoples of Chukotka]. *Tomskiy zhurnal lingvistikikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 2014, no. 1 (3), pp. 115–118. (in Russ.).

Kuznetsova V. G. [Materials on the holidays and rites of the Amguem deer Chukchi]. *Trudy instituta etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya: Novaya seriya* [Proceedings of the N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography: A new series]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1957, vol. 35, pp. 263–326. (in Russ.).

Nefedkin A. K. *Voyennaya kul'tura chukchey (seredina XVII — seredina XX v.)* [The military culture of the Chukchi (mid-17th — mid-20th century)]. Saint Petersburg: Lema Publ., 2017, 456 p. (in Russ.).

Nuvano V. N. [The rite of funeral burning among the Vayezh Chukchi]. *Tropoyu Bogoraza. Nauchnyye i literaturnyye materialy* [By Bogoraz Path. Scientific and literary materials]. Moscow: Institut Naslediya Publ., 2008, pp. 230–234. (in Russ.).

Perevalova E. V., Kukanov D. A. [Mobile houses of the Chukchi herders: tradition and innovation]. *Ural'skij istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 3 (60), pp. 40–49. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-3(60)-40-49 (in Russ.).

Ragtytval R. M. [Mainypilgynsky collection of family shrines]. *Krayevedcheskiye zapiski* [Local history notes]. Magadan: Kn. izd-vo Publ., 1986, iss. 14, pp. 170–190. (in Russ.).

Romanova I. I. [The main stages of the development of museum activities and creation of ethnographic collections in Chukotka]. *Kul'turnoye naslediye narodov Sibiri i Severa: materialy Shestykh Sibirskikh chteniy* [Cultural heritage of the peoples of Siberia and the North: materials of the 6th Siberian readings]. Saint Petersburg: MAE RAN Publ., 2005, pp. 99–107. (in Russ.).

Sergeev M. A. [Non-capitalist path of development of small peoples of the North]. *Trudy instituta etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya: Novaya seriya* [Proceedings of the N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography: A new series]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1955, vol. 27, 569 p. (in Russ.).

Shirina D. A. *Rossiya: nauchnoye issledovaniye Arktiki. XVIII v. — 1917 g.* [Russia: scientific research of the Arctic. 18th century — 1917]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2001, 191 p. (in Russ.).

Tserkovnikova E. A. [Objects of the traditional culture of the peoples of the North, demanded in modern life (based on field research in Chukotka)]. *V Bogorazovskiye chteniya* [The 5th Bogoraz readings]. Saint Petersburg: Kordis Publ., 2018, pp. 95–100. (in Russ.).

Vdovin I. S. [Religious cults of the Chukchi]. *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad: Nauka Publ., 1977, vol. 33, pp. 117–171. (in Russ.).

Vukvukai N. I. [Chukchi's clothes in the collections of local history museums of Far East]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law sciences, Culturology and Study of Art. Issues of theory and practice], 2011, no. 5, part 2, pp. 51–61. (in Russ.).